А.А.ИЛЮШИН

СЛАВЯНО-РУССКИЕ СИЛЛАБИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЛЬСКИХ СТИХОВ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Осваивая культурные ценности прошлого, мы продлеваем им жизнь и делаем это ради себя, а не ради их создателей. Цель - наше собственное духовное обогащение. Прошлое длится в настоящем, но настоящее не возвращается в прошлое. Данте, переведенный на современный русский язык, интересен современному русскому читателю, но не самому себе: воскреснув, он вообще не узнал бы себя в этом переводе, не зная к тому же русского языка. Не мы ему, а он нам становится родным. Связь времен осуществляется однонаправленно, в согласии с необратимостью времени: от давнего к нынешнему. Столь же однонаправленно лингводвижение - от чужого языка к родному. Это кажется непреложным и саморазумеющимся. Но тем более увлекательны возможные исключения из общего правила, когда переводчик пытается и время и язык повернуть вспять, так чтобы связь прошлого с настоящим осуществлялась взаимо- или обоюдонаправленно, диалогично. Именно такой "диалог" возможен сейчас с Симеоном Полоцким.

Как известно, Симеон в домосковский период своей жизни и творчества писал стихи преимущественно по-польски; переехав в Москву, перешел на церковнославянский /или славяно-русский/ язык. Его церковнославянские вирши обычно издаются и переиздаются у нас в оригинале, без переводов на современный русский, т.е. предполагается, что наш читатель понимает литературный язык ХУII в. А как быть с его польскими стихами /кстати, опубликованными совсем недавно[1]/. Если их перевести на современный русский, то соседство с ними "глубокословныя славенщизны" московского периода окажется явно неуместным, дезориентирующим читателя, которому знакомы церковнославянские вирши Симеона. Получится так, что поэт в юности писал вполне "нормально", а потом вдруг перешел к дремучей архаике. Не-

сомненно, свои польские стихи он сам переводил бы /а в отдельных случаях и переводил/ на тот же самый славяно-русский, каковым он пользовался, создавая "Рифмологион" и "Вертоград многоцветный". Так же должен поступить и современный переводчик Симеоновых полоноязычных стихов. Собственно, это и есть встречное движение вспять: не только Симеона ввести в контекст культуры XX в., но и самому - совместно с читателями-современниками - отступить в XVII век, к его лексико-грамматическим нормам.

Круг связанных с этим вопросов рассматривается в статьях: А.А.Илюшин. Из наблюдений над текстами силлабических стихотворений XVII - начала XVIII века[2]; его же. С польского на славяно-русский /к проблеме перевода "Carminum variorum" Симеона Полоцкого/[3]. В этих статьях обосновывается целесообразность таких переводов в теоретическом и практико-издательском аспектах, анализируются предлагаемые церковнославянские эквиваленты к некоторым польским оригиналам в версификационном отношении /силлабика церковнославянская и силлабика польская, техника рифмования и пр./, а также в сфере языка и стиля. Одновременно появились некоторые работы, имеющие то или иное отношение к данной теме. Переведено /В.Васильевым/ одно из церковнославянских стихотворений Симеона на современный русский, силлабическим I2-сложником[4]. Опубликованы шуточные стихи Б.И.Ярхо, имитирующие язык и стих Симеона[5] гораздо удачнее, чем это пытался сделать один из переизданных недавно пародистов[6]. Дан глубокий анализ опыту Р.О.Якобсона, переведшего стихи XX в. на старославянский язык, древнейшей силлабикой[7]. Словом, мало-помалу создается "литература вопроса".

Воспроизводя ниже некоторые из выполненных мною переводов, надеюсь, что это будет частично-выборочной предварительной публикацией к проектируемому изданию стихотворений Симеона, в которое должны быть включены как его ранние произведения домосковского пе-

рлода, так и поздние церковнославянские вирши. Поскольку польские оригиналы имеются в новом минском издании, нет надобности приводить их здесь. Предлагаемая подборка дает представления о трех основных направленностях, заметных в раннем полоноязычном творчестве Симеона: вирши морализаторские, стихи с естественно-научной тематикой и воинские поэмы. В необходимых случаях тексты перебиваются минимальными комментариями. Начнем с "нравоучений".

На ленивца

Туне, ленивче, мниши работати,
Бо не хощеши силы напрягати.
Виждь яко мравий малый червь трудится,
О запасех на зиму заботится.
Старается все лето, в пример тебе -
Да готовиши сам зажиток себе.
Един другому всяко помогает -
Сим тя любви ко ближним научает.
Прозябанию претя, оный зернце
Обгрызает: и твое тако сердце
Да не прорастет недобре и лихо,
Но к делам добрым ся подвигнет тихо.
Тесн есть его путь, и твоя потреба -
Тесной стезею ся вести до неба.
От земли гнездо очищает свое -
И от земнаго брези сердце твое.
Се пример тебе, взирая учися
И яко мравий вседневно трудися,
Аще хощеши не скудости вечной,
Но сладости на небе безконечной.

Лень - один из тех пороков, которые нужно победить, чтобы сохранить чистоту. Об этом, в частности, следующее стихотворение.

Стражей чистоты 6

Лилия дивна, емблема чистоты,
Белая, чюдо зримыя красоты,
Раскрывается шестию листками,
Толикими же златыми зернами.
Тако не туне естество веляше,
Дабы чистота шесть стражей имаше.
Первый есть мера в яди и питии,
Воздержание в кождом веселии.
Вторый страж есть от лени ся спасати,
Яже пороков и злочастий мати.
Третий: простяе тело облачати,
Требе простяе и власы чесати,
Не то ведь быша мужи соблазнени,
Моавитскими дщерями прельщени.
Четвертый: сжати чювствия, да око
Не блудит. Иов, иже чтим глубоко,
Не устремися своима очима
Искати, где есть сладкая личина.
Иеремия очима поведа,
Что смертоносна в мир приходит беда.
Давида око пытливое ввергну
Неодолимо в телесную скверну.
И Дина девства незапно лишися,
Бо ея око в юношу вперися.
Самсон очию бе лишен и силы,
Видя прелести, а не ков Далилы.
Пятый страж вечный женския чистоты:
Убегати от словесной многоты,

Бо непомерно речи исторгая,
Уста благая превращают в злая.
Зане и Давид тщашеся замкнути
Уста, не дая слову проскользнути.
Шестый: превратность упреждати дику,
Всяку - и малу, не токмо велику,
Из малых волн бо великия волны
Могут возстати и разбити чолны.

Для этого цикла вообще характерна та особенность, что побочный мотив одного стихотворения становится сквозным в другом. Так получилось, мы видели, с осуждением лени в двух приведенных текстах. А нижеследующий текст разовьет в самостоятельную тему то, о чем кратко сказано в концовке "Стражей чистоты..." - о необходимости упредить зло, пока оно еще не разрослось.

В начале упреди

Всяко зло спешне упреди в начале,
Дабы ему не возрастати дале.
Болезнь лечити подобает с разу,
Не то раскинет смертную заразу.
Звери младыя к людем привыкают,
Старыя дикость свою сохраняют.
Цвет юный яко требе направиши,
Старое древо в век не выпрямиши.
Поток в начале можно удержати,
Широк же станет - с ним не совладати.
Огонь гасити в малой искре гоже,
Велик же станет - сгориши, небоже.
Коловращений пресеци начало,
Зане для скорых силы будет мало.

Тако же стрел не упускай с тетивы:
Аще пустиши - улетят, ретивы.
Польза побити есть по хребту чадо,
Покуду еще оное есть младо.
Скверныя мысли требе изженити,
Никую мерзость в главе не хранити,
Аще же тая явится словесно,
Тя преуспеет блазнити прелестно.
И псалмопевец веляше о скалы
Бити чад бедных, покуду суть малы.
Фрязи младенцев на сговор возиша
Брачный, покуду те незлобни быша.
Главу змиину стерти подобает,
Да всим живущим яд не угрожает.
Зломыслие ти внушает лукавый:
И порази сокрушением главы.
Ти одержати славныя победы
Иисус Христос поможет всеведый.

Здесь в третьей от конца строчке "И" - не союз, как можно ошибочно подумать, а личное местоимение третьего лица единственного числа в винительном падеже /т.е. в значении "Его порази"/ в сочетании с императивом. Следующий текст, еще более "нравоучительный", весь пронизан императивными формами, в нем особенно ощутима назидательно-педагогическая интонация.

Вид жизни людския

Егда в сей мир бог человека явит,
Той шестьнадесять лет всяко ся бавит.
Разное разным, виждь, воспитание -
Утеха, ласка, разно играние.

Засим, исполнен разума и силы,
Ремеством учи ся, младенче милый.
Вторый же возраст имеет охоту,
Яко зде зриши, вершити работу.
Третий имеет многия хлопоты
Питатися от своея работы.
Тогда о небе помыслити гоже:
Следуй закону, чти старших, небоже.
Сорок и восемь ми́нут – будут лета
Четвертыя, в них ты еси для света
Пример: с иными умом поделися,
Младых учити ремеством потщися.
Четвертый возраст минет – еси хилый,
Тремя ногами ходи: мало силы.
Глава тяжела, плачют очи слезны,
Сиди и грейся у пещи, болезный.
Буди умерен, а помни о гробе,
Иже послужит пристанищем тобе.
Пятый возраст есть конец всего века
И всех последних надежд человека.
Зола еси – ся обратиши в золу,
Бе кедр высокий, а падеши долу.
Престает время панствовати бодре,
Все твое гинет, ты на смертном одре.

Завершим подборку этих воспитательных виршей одной миниатюрой, загадкой, латинское название которой /в конце отгадка тоже по-латыни/ призывает детей платить любящим родителям равной любовью.

Parentibus par gratia reddi nequit

В Етице учит любомудрец явно:
Не могут дати родителем равно

Сынове за то, что быша рождени
От крови их во мглах земныя стени.
Аз же едина сына зрю обаче,
Иже дарует благо наипаче:
Матери мзда есть от него толь многа -
Лепшей не может быти и от бога.

X/ryst/us et M/a/ria

Перейдем теперь от морали к науке или к тому, что тогда казалось наукой. Впрочем, научный цикл не отделен от моралистического непроницаемой стеной. Для Симеона научные знания - это прежде всего то, что можно и нужно преподать ученикам, здесь господствует дух дидактики, и потому дело не обходится без поучений и назиданий, на каковые столь щедр и Симеон-моралист. И все-таки определяющим в этой области становится пафос познания, в какой-то мере даже дерзания. Наука дерзновеннее морали. Смиренник богоугоден, но не ему дано открыть Америку или исследовать свойства магнита. Симеон это чувствовал, и общая тональность его "научных" стихов - несколько иная в сравнении с собственно-назидательными виршами. Это дает о себе знать и в спокойной, уравновешенной классификации наук, предложенной поэтом /в предлагаемом тексте слово "струс" означает "страус": редкое древнерусское слово звучит так же, как и по-польски/.

Седмь наук свободных

Знай, что содержит грамматика в себе:
Врата к мудрости отверзает тебе.
Струс прилепляет ко яицам очи -
Твои же до книг да будут охочи.

В риторице речь красну обретаем,
Егда читаем и чтецу внимаем.
Внимаяй тщится сам молвити слово,
Аще к тому же естество готово.

Диалектика данна от Платона,
Всех наук мати благая есть она.
Правду и мудрость довле выявляет,
Умственны узы светом разрешает.
Арифметика то содержит в себе,
Чем все изчести, что угодно тебе.
В геометрии тому есть потреба,
Кто измеряет высоту до неба.
Астрология бег небес рисует,
По звездам чему быти предсказует.
Из разных гласов дивно мелодию
Строит музыка, так и симфонию.

Это классификация наук. Также возможна классификация предметов и явлений, стихий и темпераментов - и т.п., или же посменно-последовательное описание в стихах частей какого-либо целого, различных достопримечательностей мира... Ряд подобных опусов откроем стихотворением о четырех темпераментах.

4 преобладающия комплексии

Юпитер - Венус полнокровных родят,
Веселы чада их по нивам ходят.
Марс холериков вождем ся являет,
Биет, сечет, палит и войны свершает.
Мерзко вещают, сами ся вешают
Меланхолици - от Сатурна, бают.
От Луны - флегма, ей любити годно
Воду, где рыбы и зверие водно.

Прилежное внимание Симеона к основам древнегреческой натурфилософии вполне сказалось и в стихотворении о четырех стихиях, где о земле и воде сказано описательно, в третьем лице, а воздуху и огню как бы предоставлено слово и они говорят сами.

4 стихии и следствия оных

Земля несет вси с собою бремена,
Древами, цветы, зверьми украшенна.
Всим она мати, всих прещедра родит,
Но и снедает, аще ов что плодит.
Водою живы лес, травы зелени,
Славный морянин, не знающий лени,
Балены страшни - большии рыбины,
Звери - витальцы морския глубины.
Земля зародит и море породит,
Ано кто, аще же не аз, разплодит?
Аз же есмь воздух и всим живот даю,
Ветр всему свету от края до краю.
Ано всяка тварь безвременно гинет,
Коли моея она ласки минет:
Аз есмь огнь живый и витаю в небе,
Тепло давая всим по их потребе.

Следующий текст "особенно актуален" в наше время, когда в моду входят астрологи и астрология.

Седми планит знамения
и их деяния следуют

Месяц на первом небе знатно господует,
Се бег его окружный зде ся описует;
Рыбари, мореходы в его дни ся родят,
Параличьнии и те, что близь воды ходят.
Се Меркурий планита есть на вторым небе,
Под ним мудрым, счастливым родитися требе:
Остроумни, быстри, суть и математици,
Лицем белы, пристойни и не пияници.

Безстыдна Венус кругом третиим владеет,
Всяк астролог довольне сие разумеет;
Пышнотелесны жены с нею постоянни,
Мужи весьма достойни и нищии пьяни.
Ясно солнце в четвертем борзокрилых кони,
Давая живот всему, округ света гони/т/;
Счастливых, сильных, скорых творит и здоровых,
Рождающихся под ним - ко всему готовых.
Кровавый в пятом небе Марс к тому стремится,
Дабы воитель ста всяк, кто под ним родится;
Хитрых, гневных, жестоких он множит тиранов,
Смелых, дерзых, гневливых, своевольных панов.
Шестым небесным кругом Юпитер владеет,
Который приязнь, правду, благородьство деет:
Добротолюбие и милости являют
Те, что под ним, - набожны вси и меру знают.
Сатурн же сыноядець седе в седмем небе,
Зависть распространяет повсюду от себе;
Ковы и смерть незапна, разныи болести
Губят ему подвластьных, их же не исчести.

Следующий перевод - виршей о восьми чудесах света - примечателен тем, что здесь в описании четвертого чуда частично использованы церковнославянские стихи Симеона из его Приветства Алексею Михайловичу[6], где тоже описываются чудеса света. Использовать Приветство шире было нельзя ввиду его текстового несходства с переводным полоноязычным стихотворением. /Подобная ситуация возникла и в связи с переводом стихотворения о четырех частях дня: этот случай подробно рассмотрен в сб. 2 "Герменевтики...", с. 244-250, - случай редкий, но все же не единичный/.

8 чудес света

I чудо. Пирамиды Египетстии:

Предивны башни, пирамиды рцемы,
Кральми Египта в Мемфисе зиждемы
Каменны, горе вздеты, для погреба
Кралей, верхами близно к огню неба.

2 чудо. Форос:

Форос, на скалах башню, воздвигали
При Птоломеи, египетстем крали,
Овамо требе в нощь огни носити,
Бы невозбранне засим в Нил входити.

3 чудо. Дия образ:

В Елладе славной, где Олимп высокий,
Где веселых игрищ обзор толь широкий,
Третие чудо света всим явленно:
С кости слоновы Дий стоит степенно,
Ваян Фидием, яко живый зрится
Сей истукан, и всяк ему дивится.

4 чудо. Колос:

Четвертем чудом ста колос реченный,
Муж в граде Родис с меди сотверенный,
Толь велий, даже корабли хождаху
Между ног его, а щегл не прятаху.
Внутре камений множьством наполненный,
Но тяготою их не сокрушенный.

5 чудо. Храм:

В граде Ефесе бяше храм Дианны,
Амазонками искусне созданный.
Его фундамент посереде блата,
Но дивне крепко та храмина вжата,

Зане угольем блато засыпаху
Прежде, а после здание строяху.

6 чюдо. Маузолей:

Артемизия, жена Маузолова,
Бяше прах мужа глотати готова,
Тако любяше, и над его гробом
Постави башню о камне особом.
Несть в свете башни достоинством равной:
Шестое чюдо - Артемиды славной.

7 чюдо. Вавилонстии стены:

Ассирийскаго краля Нина жена.
Семирамида, храбра нареченна,
По смерти мужа в Вавилоне стены
Украси дивне: оле чюдо жены!
Сто врат могущих послежде постави,
Чюдо седмое своим гробом яви.

8 чюдо. Амфитеатр:

Амфитеатра здание отменно
Для гонитв, игрищ бяше устроенно,
В себе два войска вместити способьне,
Понеже яко цирк круглоподобьне:
Кесарь великый чтимое повсюду
Воздвиг здание, бывше многом чюду.

У Симеона стихи о чудесах света органично входят в его "научный" цикл - рядом с астрологией, медициной, натурфилософией и пр. Этим стихотворением завершим ряд текстов, связанных общим приемом перечисления. /Впрочем, сходная расчлененность объекта наблюдалась и в стихотворении предшествующего цикла: "Вид жизни людския"/. И, наконец, гимн научному, исследовательскому дерзанию, первооткрытию - обширное стихотворение на эту тему:

Новооткрытыя вещи

Край Америка и камень реномы
Магнит не давно в мире отыскомы.
Типография, и часы, и стрельбы -
Толь же не давно, гиацинт для пельбы,
Червь шелковичный и при седле стремя
Умом открыты суть в новое время.

Америка

Сам Америкус откры тии краи,
Где людоядьства оную обычаи.
Тамо краль яко чадо в колыбели:
Безо всякия одежды на теле.
Магнит в полунощь славно ся являет.
Коли ремесльник и в компас вправляет.
Премудрый Флавии - прорицатель сего.
Путь мореходы знают умом его.
Мещут перуны стрельбоник пищали -
Адски Фурии их уготовали.
Яко глас един в ушах многих ходит,
Тако печатьник множьство книг народит.
Коловрат неба время учреждает,
Оно часами же ся измеряет.
Кому зла Венус болесть спосылает.
Той гиацинтом ю да отражает.
Огонь жидкость во всякой вещи сушит
И водку гонит, а та людем служит.
Червь шелковичный в яйце таится.
В Рим из Зеринфа преселися, мнится.
Стремя потребно к седлу прикрепити.
Дабы на коня крепко ся садити.

Се новый способ: вода мелет жито,
От того людем есть польза и сыто.
Крылатых мельниц толь дивных на свете
В римском предолго не было повете.
Ягоды с древа оливы сбирают,
Луком оливу жирну заменяют.
Питательнии взращивают трости -
Да имут сахар приятной сладости.
Евкий художник изобрете глянец
Лик украсити, рекомый румянец.
Аще слабеют очеса в старости,
Весьма полезни очки для ясности.
Маяк в море на путь к порту выводит;
Кто поплавок зрит - верно цель находит.
Крепость воинску и блеск оружьиный
Кажут ти явне художне картины.
Четырезвездьный крест откры на небе
Сам Америкус по своей потребе.
Зриши по меди зде вырезание
И последе того икон тиснение.
Край Америку, прежде сокровенну,
На сей таблице зриши впечатленну.
Христофор Коломб вкруг света обрьтеся,
От морских страшил много натерпеся,
Коих одолев, кралеви шпанскому
Сниска чуждый край, господину тому.
В странах полудни, та же на заходе.
Мудр Америкус плаваше по воде,
Много страшася от морских чудовищ,
Донде обрете новый край сокровищ.

Фернанд пресече океан глубокий,
Дабы познати, коль есть свет широкий.
Знай всяк удел свой: для Сима - молитвы,
Плуг - Хаму, а меч Яфету для битвы.
Сим да мольбами ублажает бога,
Егда опалы возрастет тревога.
Яфет карает злых и хранит правых,
Врагов биет и теснит всих лукавых.
Ори, сей, коси, Хаме: твое дело,
Но не шути со мною, с нами, смело!
Нестор троянский, Филиппа сильнаго
Сын Александер, роду греческаго,
Иулий Кесарь - язычници добльни,
Среди достойных и лепших особьни.
В законе ветхом Давид с Маккавеем -
Славный купно со славным иудеем.
Артур краль, Готфрид, мощныя миряне,
И краль Бульонский - мужи християне.

Концовка /со слов "Знай всяк удел свой..."/ мотивирована слабо. Автор словно забыл, о чем у него шла речь, и сбился на другую тему, да и эту другую скомкал, отвлекся и от нее. Завершить такое стихотворение лучше было бы или раньше, или иначе. Но дело сделано.

Переходим к воинским стихам. Тут уже не цикл, а две крупные вещи - как бы поэмы. Настолько похожие одна на другую, что могут казаться редакциями одного произведения - краткой и расширенной, причем одна выдержана в редком для Симеона коротком размере - 8-сложнике, другая в длинном - 13-сложнике. Источник - анонимные полоноязычные стихи на сходную тему. Мера самостоятельности Симеона - подражателя - невелика, но все же он дал свой вариант известного сюжета, и для нас важен, конечно, именно этот вариант.

Краль шведский офицеров своих ищет

Краль шведский, взалкав чудлаго,
Ста вопрошати кождаго
/Слуг погублено немало,
Тако счастие казало/:
-Где Кенигсмарк мой избранный?
-Во Гдансце есть пойманный.
-Витемберг в какой же земли?
-Во юзах есть, бают: внемли!
-Прииди же, мой усердный!
-Поплени мя поляк твердый.
-А Негорня где таится?
-Оный нам не пригодится.
-Граф Торен здрав или страждет?
-Люд московский Риги жаждет.
-Израель где есть полковник?
-В плену: татарин - виновник.
-Калестен оплакан мною:
Кровь его текла водою...
Где еси, мой Гонцыцию?
-Не прииду во Швецию.
-Князь Веимарский жив ли ныне?
-Еле жив, мой господине.
-А ты, княже из Ангальты?
Сильным воем ся казал ты.
Почто же твои не с нами?
-Един иду с татарами.
-Вальдек младый и Борк старый.
-Захватиша их татары.

-Где ты, храбрый посланниче,
Орле, могущий ратниче,
Кенигсмарка старший сыне?
-Аз плыву по Висле ныне
С кенигсмарком моим отцем,
Надеждным твоим оплотцем.
К диаволу смех неправый!
Ликует в Гдансце лукавый.
-Где ты, свете мой? Не вижу;
Зову, и лишь глас мой слышу.
Мне без тебе весьма нудно,
С Польши в Швецию йти трудно.
Слуги, аще предан еси!
-Биты суть мои доспеси.
-Леон Гаупт?
                    -С ним в Замостьи
Обедаем, яко гости.
Ему бы не быти здраву,
Аще бы отсещи главу.
-Ты мя, краля, охранили?
-Мя отсюду не сгонили.
Не прибавит мне отваги
Сабля Софона Куряги.
-Славный фон Геффен что деет?
-Кровь он свою в Польше сеет.
Ляху тщася повредити,
Должен назад отступити.
-И не режет, и не палит?
-На главу свою все валит.

Один из отважных братий
Изшел в битву смерть прияти.
Добли рыцари ослабли,
Не разят врага их сабли,
И аз слезно недугую,
Прежних сил в себе не чую.
-Что мыслиши о сей войне?
-Аз хлебнух ея довольне.
-Где будеши зимовати?
-В Гданске мя хотят спрятати.
-Посему в Миндзе седиши?
-Лисе! Мя не выследиши!
Брате мой, у князя Кроя
Проси мира и покоя.
Ты, курфирсте, держи слово,
Или сгинем неистово.
-Панове, отступаете?
-Кождый ся хранит на свете.
-Помози же, полковниче!
-Не могу, мой начальниче!
-А ты, заморский Кромвелю?
-И аз тожде не успею.
-Леон Гаупт, глава львина?
-Мне Самсонова кончина.
-Где граф Магнус? В Ризе бяше?
-Весьма худо дело наше:
Аз же есмь един, без свиты,
Мои воины суть биты.
Инфлянты суть разрушенны
И жестоце разграбленны.

Аз не могу устояти,
В пору диавола звати!
В польском крае мне не мило,
Все не тако, яко было.
Туне сюда приидохом
С помышлением о плохом,
Дабы грабити соседа,
Егда ему грозит беда.
-Вся моя надежда в тобе,
Аз же есмь яко во гробе;
Где твои обеты давны?
-Греси мои свету явны...
-Почто не рыкнеши грозно?
-Бог претит; рыкати поздно...
-Да пошлет Понтуса брата!
Или его жизнь отъята?
Радзеевский ся измучит,
А мя вовек не выручит.
Пруссаци мя не боятся.
Печали мои множатся.
Спасите, лопари, чуди,
Сыны! Не слышите, люди?

Отзвуки тех же событий Северной войны в сходных ламентациях того же шведского короля - в другой поэме Симеона, богаче оснащенной. Тексты взаимосоотносимы. Такие же отчаянные, беспомощные вопросы и обезнадеживающие ответы - тоже отчаянные, а иногда ироничные или гневные. Факты и реалии можно сверять, сопоставляя тексты, что, как можно будет увидеть, в спорном случае подсказывает определенное текстологическое решение.

Отчаяние краля шведскаго

I

Надеждою живем мы, в надеждах, в надежде
Чинити, яко нами замыслено прежде,
Ан сметает надежду могуща царица
Фортуна, яже всих есть главна владычица.
Заблудивый, надеждой своей завлеченный,
Краль укори фортуну, опоры лишенный.
"Оле вы нерадивы монарси и слузи!
Почто не поможете мне ныне, о друзи?
Господин ваш в пучине яростной утонет,
Куда его - воззрите - белый орел гонит.
Где же ты, Витемберже, преславный гетмане?
"Прииди!" "Како? Аз же есмь во юзах, пане!"

2

"А Герстейн Бенедикт - где же он обитает?" -
"В Замостье с Витембергом вместе пребывает,
Бысть Яном Казимиром в край отослан оный
Учити польску мову, да польской короной,
Став vicerex, владеет. Но кажу заране:
То вовсе не есть наше - отступимся, пане!"

3

"Где наш мудрый Ешкот?.. Нам он да пособит!" -
"Увы мне, аз по вые поляками побит!
Покуду здрав бых, помощь моя тобе была,
Покуду нам надежно фортуна служила".

4

"Да приидут наш Угрин и Лев Гаупт младый!" -
"Ищем в Литве корысти, обрящем досады.

Замойский нас ведет до своея крепости,
Помощи не жди, есмы пленны без лепости.

5

"А где же Кеникс Марк и сила его virum?" -
"Аз есмь низвергнут в Вислу Яном Казимиром,
Кралем польским, и с войском пию злыя воды,
Зане преселен к рыбам в глубокия воды".

6

"А где генерал Вальдек и где же Борк старый?" -

Здесь нужно выдержать паузу. В польском тексте второе полустишие последней строки утрачено. Имеется конъектура, согласно которой рядом с генералом Вальдеком появился не Борк, а Валленрод[9]. Мне кажется допустимым и такое предположение, что Вальдек - тот же, который упомянут в предыдущей поэме /см. по предыдущему тексту "Краль шведский офицеров своих ищет"/, а там рядом с ним - Борк. Если речь действительно идет об одном и том же лице, то вероятнее, что и здесь должен фигурировать в качестве его спутника не Валленрод, а старый Борк - вместе с молодым /?/ Вальдеком. В целом же мы уклоняемся от попыток давать исторические комментарии к поэме, отсылая читателя к работам Л.У.Звонаревой и В.К.Былинина[I и 9].

"Под Простками: нас тамо побиша татары
И множество пруссаков в бегство обратиша,
Раненна Радзивила и с вои плениша.
В дико поле мя гонит бусурман-неприятель,
Буди же ад тому, кто войны подстрекатель!"

7

"А ты, княже конюший, знатный Радзивиле,
Иже при мне в изрядной был чести и силе,
Поспешай, поспешай, о поспешай же ко мне!" -
"А ты не ведаеши ничего обо мне?

8

Израель твой любимый в плену под Простками,
Аз же есмь татарскими изранен саблями.
Пад с коня, Гонсевскаго молих мя щадити.
Бог карает: кралеви тщихся изменити".

9

"Где братия вельможна - наши Англикане?" -
"Кто у татар, а кто и вовсе без глав, пане".
"Прииди же, Боктранек, с воины своими!" -
"Порублени саблями есмы татарскими!"

10

"Где ты, княже Англикский, аз взываю к тебе,
Хранит тя бог, все свое сохранищи себе.
Спеши до нас скоряе, недосыпай ночи,
Бо ждем мы скоряе твоея помочи". -
"В Хойницах окружиша нас поляци мощно.
Ся обранях всемерно и денно и нощно,
И како аз тесним бых воинством отвсюду -
О том отнынь во веки веков не забуду.
Даю обет противу их не воевати,
Иначе живот бедный могу потеряти.
Славен господь извлекший мя из бездны мрака;
Боле с оружием не пойду на поляка!"

11

"Витекс - в Кракове, тамо замок оборонный!" -
"О, ныне тамо не аз, но маршал коронный!" -
"Прииди, генерале, с воины своими!" -
"Кто мертв есть, кто в бегах, аз же не вместе с ними.
Восемь седмиц осажден аз бых неотступно,
Претерпех множество зол с лютым гладом купно.

Здрав есмь, господа хвалю, се для мене благо,
Боле аз не посягну на краля польскаго."

I2

"В Торуни что творится?" - "Есмы осажденн,
Се град премногих бед и подлыя измены.
Жители с войском польским сговор учиниша,
Не дая нам пощады нас крепце побиша".

I3

"Кеникс Марк с войском своим нам поможет, чаю!" -
"Худа надежда, кралю, в Миндзе пребываю.
Гданчане мя в Балтийстем море захватиша,
И с войском и с доспехом незапно плениша.
Шкатула со секреты брошена бысть в воды,
Юже на брег вернули морски непогоды,
Гданчаном прямо в руки, ю вземшия крепце". -
"Будьто мечем ты острым разиши мне сердце.
Секрет мой откровен для Яна Казимира,
Воинску тайну знает половина мира,
Письма мои читает всяк кто любопытен,
И всякому же моих план деяний виден".

I4

"Граф Магнус свое войско из Инфлянт да двинет!" -
"Москаль из мене душу, видно, скоро вынет.
Рига целое лето мощно осажденна,
Инфлянты взяты, земля разграбленна".

I5

"А граф Пунтус, Лев Гаульт? - "Мертвыя суть оба,
И многих воев пожраше хвороба".

16

"А где же наш граф Фертум, рыцарь безупречный?" –
"Ныне и он не воин, прияв покой вечный:
Москалем при Нарве бысть сражен, обезглавлен,
И труп по царской воле бысть жене отправлен".

17

"Сын Гнарт!" – "Сей шел под Бижи: сколь их мощных было –
Столь их в Радзивилишках польско войско било.
Сотни воев силою татар порубленны,
Офицеры, полковник – те суть попленены".

18

"Палл, веди своих до нас, буди в нашем стане!" –
"Мне ся вырвати из Биж невозможно, пане!"

19

"Вельможный граф Герлант, се есть мой шурин милый,
Да нам ведет на помощь воинския силы!" –
"Кралю шведский! Загребли мя демонски грабли,
Тело грешное в куски разрубили сабли.
Аз есмь убит жестоце волею тираннской,
И тобе же обязан сим – прихоти панской:
Алчба в нас наша... Правды не порушу,
Не будеши краль польский, аз же сгубих душу".

20

Князь Веймарский где? Аще с ним его счастие,
Да явит нам скоряе свое участие". –
"Како, бедный, окаку кралеви подмогу,
Аще мне не двигнути руку, ани ногу?"

21

"Прииди, граф Сенгазен, иже бысть нам верен,
И помози нам яко муж благонамерен". –

О кралю мой великий, не помогу тобе,
Ибо днесь под землею аз лежу во гробе".

22

"Сюда, княже Сен Кройн! Рци, како быти, зане
Гинем!" - "Кажу: к поморам убегати, пане!"

23

Курфирсте Бранденбургский с своими пруссами,
К тобе взываю: буди, верный, ныне с нами!" -
"Аз добраго конца для сей войны не чаю,
Аще же буду с вами, сгину, то и знаю.

24

Туне бых ваш союзник, в сию Лигу вшедый.
Мне от нея погибель, вам лихия беды.
Зло себе уготовах от мощных поляков:
Торжествует Гонсевский, разбивый пруссаков.
Пруссию воеваша лютыя татары,
И мы от них прияхом неизчетны кары.
Реками кровь пролита, бысть велика сеча.
Нам на поляков боле не подъяти меча." -
"Письмы прелестными нас сюда заманисте,
Обет нарушив, войско мое погубисте,
Меня к войне с поляком сами побудисте,
Изменисте богови и мне изменисте.
А Яном Радзивилом осажденна Литва?
Бывый наш союзник - и вмале тамо битва,
Волнение покорной нам дотоле Жмуди,
Яже бунтуя дерзо била мои люди.
Любо им и Присягу было порушити,
И москаля на выю всим нам посадити.

Двух краев кралем быти, владети Литвою
Не возмогох: фортуна не в ладу со мною.
Моему войску много потщихся платити,
Дабы взалкав чуждаго все свое сгубити.
В Инфлянтах москали, а в Поморье татары,
А мне суть днесь от бога небесныя кары.
Ищу мира с поляком и хощу покоя,
Ныне нам не до войны, вправду, не до боя.
Прийми, кралю, за мой грех просьбу ти в награду,
Со стыдом тебя молю: будем жити в ладу.
Воздано мне - зуб за зуб - такожде сердито!
Сколь и князей и графов и войска побито!
Никако в свою страну аз внити не могу:
Заградиша поляци туда мне дорогу.
Отпусти же мя жива век свой доживати.
Аз не буду николи боле воевати.
Согреших, окаянный, весьма посрамихся.
Се, кралю польский, грех мой: сам же осудих ся!"

25

"Каковый ты еси гость, тако тя примаем.
Мира просиши, зане еси утесняем.
Не время, кралю шведский! Решенно есть в небе:
Разграбил еси мой край - заплатити требе".

26

"Аз вижю ныне: сряду всего аз лишихся,
Без помощи есмь, един, зело устрашихся.
Канцлер Герстейен помре, Радзевский без ума.
Восприяти яд смертный - ныне моя дума.
Помози мне, Кромвелю, помози, лопарю,
Чеси, чуди, за помощь вас возблагодарю,

И тя, могущий турку, и тя, татарине,

Тя, аще поможеши и ты мне, угрине.

Весь мир мя оставил есть. Помози мне, боже,

Аще же не хощеши, да чорт мне поможе/т/!"

Таковы эквиритмично переведенные с польского на славяно-русский силлабические стихи Симеона: 8-, 11-, 13-сложники. Если в некоторых /немногих/ местах указанные размеры нарушены, т.е. какая-то строка не изосиллабична соседним, то, значит, аналогичное отклонение от слогоисчислительного порядка допущено, соответственно, и в польском оригинале, что нетрудно проверить по минскому изданию Симеоновых виршей /как и вообще соответствие переводов оригиналам/.

Принятая здесь орфография и пунктуация - близкая к той, какая в последнее время принята в изданиях виршей XVII в.[10]

Переводчик стремился не к стилизации "под архаику", а к воссозданию системы норм церковнославянского поэтического языка XVII в. "Сверхзадача" предлагаемых переводов - внести известные коррективы в распространенные представления о церковнославянском языке как о мертвом: в практике не только церковных богослужений, но и поэтического перевода /когда уместнее переводить не на современный русский, как в нашем случае/ он может воскресать, обретать жизнь, хотя, разумеется, без необходимого лингвокомментария к текстам читать их нелегко.

Примечания

1. Симеон Полоцкий. Вирши. Сост., подгот. текстов,вступ. ст. и комментарии В.К.Былинина, Л.У.Звонаревой. Минск, 1990.

2. Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 2. XVI - начало XVIII веков. М., 1989.

3. "Советское славяноведение", 1990, №1.

4. Русская эпиграмма. Сост., вступ. ст. и примечания В.Василь-

ева. М., 1990, с. 321 /ср.: с. 58/.

5. См. примечание 6 в статье: Шапир М.И. Б.И.Ярхо: штрихи к портрету /Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990, №3/.

6.Паперная Э.С., Розенберг А.Г. Финкель А.М. Парнас дыбом. Сост., подгот. текстов, вступ.ст. Л.Г.Фризмана. М., 1989, с. 52.

7. Шапир М.И. Русская тоника и старославянская силлабика. Вл. Маяковский в переводе Р.Якобсона. "Даугава", 1989, №8.

8. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подгот.текста, статья и комментарии И.П.Еремина. М.-Л., 1953, с.105.

9. Былинин В.К., Звонарева Л.У. Ранняя политико-сатирическая поэзия о событиях Северной войны/. "Советское славяноведение", 1987, №6, с. 53.

10. Это касается не только изданий самого последнего времени, но и: Вирши. Силлабическая поэзия ХУII-ХУIII веков. Общая ред. П. Беркова. Л., 1935; Русская силлабическая поэзия ХУII-ХУIII вв. Подгот. текста А.М.Панченко. Л., 1970.